

Полищук, И. И. “Поднятая целина” в селе Зольское // Правда. –2005. - 6 апр.

Мой маленький рассказ о том, как сила гениального слова Михаила Шолохова сблизила станицу Вешенскую и маленькое село далекой от тихого Дона Кабардино-Балкарии. Хотя в нашем селе Зольское в конце 20-х годов XX века не было ни библиотеки, ни радио, имя Шолохова знали многие сельчане.

НЕ ПОМНЮ, откуда у нас появилась книжка с рассказом Шолохова “Нахаленок”. Я, восьмилетний пастушонок, прочитав рассказ, полюбил отважного мальчика, прозванного Нахаленком.

В 1935 году в Зольском появилась книга “Поднятая целина”. Кто ее купил в Пятигорске, не знаю, но она всколыхнула многих, и вскоре образовалась длинная очередь из желающих ее прочитать. То тут, то там возникали разговоры об интересной книге. Как-то во время обеденного перерыва на полевом стане бригадир Василий Яценко сказал: “Очень правдивая книга. Читаешь — словно о нас написано: как колхоз мы создавали, как переводили нашу скотину, а дед Щукарь — вроде наш дед Чепурушка”.

Дошла очередь читать книгу и до нас. Я, самый грамотный, читал книгу вслух. Зольчане, потомственные украинцы, говорили “по-хохлацки” (испорченный украинский язык), и мне приходилось останавливаться, чтобы с помощью отца уяснить, что означает то или иное непонятное слово. При этом я старался запомнить, как оно пишется. С этим запоминанием однажды произошел забавный случай. Буквально на следующий день после прочтения очередной главы мы писали в школе диктант. В диктанте было слово “еще”. Мы же тогда в селе говорили “ще”. Я не знал, как правильно написать услышанное слово, но вдруг вспомнил строчку из “Поднятой целины” со словами деда Щукаря, который говорил “исчо”. Я так и написал. Потом наш учитель Даниил Лукич, проверив диктант и поставив мне жирный “кол”, сказал: “Впервые вижу человека, который в слове из трех букв сделал четыре ошибки!” Долго потом мои одноклассники припоминали мне то злосчастное “исчо”.

Не успели зольчане закончить обсуждение “Поднятой целины”, как в 1936 году кто-то привез в село три книги “Тихого Дона”.

Вновь образовалась длинная очередь из желающих прочитать этот роман. Наша очередь была далеко от начала, и когда наш сосед, агроном колхоза, прочитав очень быстро вторую книгу романа, предложил ее отцу, отец согласился начать чтение со 2-й книги.

Я вновь до поздней ночи читал завлекательные страницы о жизни донских казаков, о подвигах Григория и его товарищей, об Аксинье и других земляках Шолохова.

Через некоторое время подошла наша очередь читать первую книгу “Тихого Дона”. И, как прежде, почетная обязанность читать вслух легла на меня. Надо сказать, что в нашей, строгих нравственных правил, семье царили благочестие и стыдливость. Родители никогда не применяли “неприличных” слов и не вели разговоров на интимные темы. Это считалось греховным.

Поэтому чтение некоторых страниц для меня было трудным испытанием. У меня не хватало смелости прочитать кое-что из написанного. Мне приходилось, читая одну строчку, быстро просматривать последующие 3—4 строчки и пропускать отдельные слова и даже страницы. Старшие замечали, что я что-то пропускаю, выражали по этому поводу недовольство. “Не спи! Читай внимательно!” — говорил старший брат.

Третья книга читалась легче — в ней было меньше запретных для нас слов и выражений. Прочитавшие в спешке роман хотели перечитать его вновь, и началась охота за понравившейся книгой. 1937-й и особенно 1938 год были очень щедрыми. Колхозники на трудодни получили много зерна, картофеля, растительного масла, меда и кормов для скота. У большинства из них появилась возможность приобрести не только одежду, обувь и различный инвентарь, но и велосипеды, патефоны, швейные машинки и книги. Во многих домах, в том числе и у нас, появились библиотечки. Гордостью владельцев семейных библиотек были книги Шолохова, и особенно “Тихий Дон”. Не знаю, когда мои односельчане прочитали четвертую книгу романа, а мне же удалось прочесть ее в госпитале в начале 1942 года.

Так **Михаил Александрович Шолохов** благодаря своему писательскому таланту вошел почти в каждый дом небольшого села Зольское, и неудивительно, что его творчество приблизило к нашему селу станицу Вешенскую и хутор Гремячий с их жителями — донскими казаками.